
Екатерина Соловьева
Кто убил Риту Хойда?
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Екатерина Соловьёва

Кто убил Риту Хойда?

«Автор»
2026

Соловьёва Е.

Кто убил Риту Хойда? / Е. Соловьёва — «Автор», 2026

В маленьком румынском городке Чернаводэ убита Рита Хойда, ведущая местного телеканала новостей. По подозрению в убийстве задержан любовник жертвы – красавчик Мариан Робу. Начальник полиции Игнат Ковач сломал ногу и попросил о помощи давнюю подругу – Кассандру Деменитру. Сможет ли она разобраться в этом запутанном деле, где сам дьявол строит козни?

© Соловьёва Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мариан–целитель 6
Глава 2. Чёрт и его национальность 11
Глава 3. Алиби 15
Глава 4. Новые улики в деле 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Екатерина Соловьёва
Кто убил Риту Хойда?

Глава 1. Мариан–целитель

Проклятое колено ныло. И ладно бы бандитская пуля, как подобало бы хорошему криминальному психологу, а то ведь просто упала. Поскользнулась давным-давно на какой-то тухлой помидорине в переулке, когда удирала от рецидивиста Петраке. От этого колена теперь только одна польза: оно начинало зверски ныть перед дождём и перед штормом, и можно было смело полагаться на него, а не на местный прогноз погоды, который всегда врал. А сегодня, судя по ноющей боли, октябрьские небеса уготовили многочасовой ливень. Оставалось только проглотить какой-нибудь анальгетик посильнее и приступить к забытым навыкам допроса. Потому что Игнат Ковач, следователь и по совместительству старый друг, сейчас в местной больнице с серьёзным переломом шейки бедра. И мы с его стажёром Сабиром Дибре, одни на весь этот дождливый городишко. Сабир как раз патрулирует, а мне достался допрос.

Парень, который сидел передо мной, был красавчиком. Непозволительная такая красота, знаете? Когда смотришь на нечто эдакое, от чего захватывает дух и сердце начинает ныть, когда пытаешься отвернуться от такого дива. Как рассвет в Карпатах. Или, допустим, звёздное небо в августе над нашим каналом «Дунай – Чёрное море». Только вот у этого мальчишки лет двадцати такие глазищи: наглые, серые, как осеннее небо утром, подведённые густыми мохнатыми ресницами, тень от которых скрывает мешки под глазами. Помнится, в городе он не так давно: год всего. И всё бы славно, да вот чернявый красавчик в жемчужно-серой рубашке – первый подозреваемый по делу об убийстве. И руки, скованные легированными наручниками, завёрнуты за спину. А вокруг унылые серые стены камеры. Сколько себя помню, Министерство так и не выделило на ремонт хоть сколько-нибудь леев. А Игнат считал, что тёмно-серые стены уборщице после допросов отмывать проще, чем белые. Ну и его любимое «стены должны давить на преступника, чтобы он раскаялся побыстрее», «стены нам должны помогать».

Убитая – Рита Хойда, ведущая прогноза погоды. Этот смазливый хлыщ, Мариан Робу, был её любовником. По крайней мере, именно это записал в деле Сабир. В пластиковой папке хранились и фото пары, и самое главное: фото с места преступления. Сорокалетняя Рита, моя одноклассница, лежит на кухонном полу, раззявив рот и сжимая в руках здоровенный крест (и где она его только добыла? Не в баре же, где каждый вечер тусила со своим хахалем). На лице посмертная маска ужаса, будто увидела себя без косметики. Мы с ней никогда не были подругами, но в этот момент её стало жаль, уж слишком жуткое Рита увидела перед смертью. По-хорошему надо было двигать в Пригородный морг, к Леви, чтобы иметь дело уже с хорошим отчётом патологоанатома на руках. Но первичный допрос есть допрос.

Я достала свой диктофон и включила запись.

– Пятое октября две тысячи шестнадцатого года. Допрос проводит Кассандра Деменитру. Подозреваемый в убийстве Риты Хойда Мариан Робу.

Мариан вздрогнул и скрестил со мной взгляд. В котором отражалось ясное майское небо.

«Ау, Каська. Приём. Земля вызывает госпожу Деменитру».

– Итак… Мариан, в каких отношениях вы состояли с убитой?

– В близких.

– Насколько близких?

– Дружеских.

«Врёшь ведь… с чего тебя тогда в любовники-то записали?»

А глаза большие такие. Честные.

– Где вы были в ночь с третьего на четвёртое октября?

– Работал.

– Где работали? Кто может подтвердить?

– Тоби Хереску. Фотограф. Мы в павильоне работали… Съёмки для «Хайнс».

«Фотомодель, значит. Ну, правильно. С таким-то фейсом… Надо проверить этого Тоби. И в редакцию «Хайнс» звякнуть».

– Мариан, почему умерла Рита Хойда?

Каверзный вопрос. На нём многих удалось подловить. Проговаривается народ, особенно когда с лёту отвечает. А этот только глаза опустил.

– Во многом знании много печали.

Такого ещё не отвечал никто. Никогда. Всякое бывало, но такое – нет. И это крайне странно. И это дело не нравилось мне всё больше и больше.

– А как она умерла?

Он вскинул на меня свои глазищи:

– Почему у меня спрашиваете?

Не прокатило. Проклятое колено, чтоб его… Должно быть, на улице сейчас вселенский потоп.

– Потому что вы её нашли. Вы позвонили в полицию. Вы последний видели её живой. Это вы её убили?

Нет, не убежала я тогда от Петраке. Он догнал меня и всадил пулю в колено. Вот оно, кровоточит, простреленное адской болью.

Я сунула руку в рюкзак, отыскивая таблетки. Плевать, какие. Анальгетики, спазмолитики – хоть что-нибудь. Ничего. Пусто. Слишком торопилась сюда после звонка Игната. Просто забыла положить. А проклятый Петраке всё стреляет и стреляет в коленную чашечку.

– У вас колено болит, Сандра, – вдруг заявил Мариан. – И сильно.

– С чего вы взяли?

– Я могу помочь. Если наручники снимете.

– Мариан, вы – врач?

«Как же больно, как больно-больно-больно!»

– Если не верите, можно не снимать наручники. Мне нужно просто дотронуться до колена. Вам нужно подойти сзади.

И я подошла. Потому что в колено уже всадили целую обойму, и кровь залила пол. И всю меня. А свинец пульсировал в разорванных связках.

Его касаний не чувствовалось. Только лёгкость, потому что пули из ноги вдруг исчезли, и боль мгновенно ушла. В это нереально было поверить, но я видела, как его пальцы, развёрнутые подушечками вверх, дотрагивались до моей ноги сквозь ткань джинсов. И снова можно ходить, дышать и думать.

– Как ты это сделал?

Он запрокинул голову, чтобы снова посмотреть в глаза.

– Я просто умею.

Какое-то время я просто смотрела в них, будто надеялась получить ответ. А потом опомнилась и нажала «отбой» на диктофоне. Нащупала табельный на поясе.

– Пошли в камеру, умелец. И да… спасибо.

***

Я вышла на крыльцо в сумерках, когда Сабир уже подъехал. Ливень уже отбушевал, и чернильные лужи разлились по всем ямам на подъездной дорожке. Остатки хлябей небесных с тихим рокотом утекали сквозь сливные решётки. Толстенький и смуглый Сабир в полицейской форме был похож на ручного цыганского медведя. Он кивнул, молча спрашивая, как всё прошло.

– Не нравится мне всё это. Завтра съезжу к Леви за отчётом. И к дружку этого Мариана.

– Что сама-то думаешь? Убил он её?

Я на минуту представила, как Мариан склоняется над Ритой и благожелательно предлагает: «У тебя болит спина. Я могу помочь». А та орёт благим матом и отмахивается полутораметровым крестом.

– Не сходится что-то. Саб, есть закурить?

– Ты же бросаешь.

– А, да. Как дежурство?

– У старого Петру весь дом крестами измалёван. Говорит, нечистый к нему ночью заглядывал.

– Кресты, значит.

– Угу. То-то и оно.

Отрубилась я сразу, как только голова коснулась подушки. До самого утра в качестве издевательства снился Мариан Робу. Он сидел на краю кровати и гладил голую коленку, которая опять разнылась к ночи. Гладил тёплой рукой и приговаривал:

– У кошки бол*и*, у собаки бол*и*, а у Каси не бол*и*…

***

Утром я стояла у плиты и, помешивая кофе в турке, смотрела в окно на соседний дом. Там жила древняя старуха, Памела Хойда, а когда-то и её дочь – покойная Рита. Рита с детства слыла самой красивой в этом городишке. Королева класса в школе, королева бала на выпускном, мисс жудеца – со всеми вытекающими отсюда проблемами. Если вы, конечно, понимаете, о чём я: корона у Риты задевала облака. Лет в двадцать я уехала отсюда в поисках хорошей карьеры, а вернувшись, застала Риту сорокалетней молодящейся старухой со следами былой

красоты. Кумушки на почте сплетничали, будто оба мужа её бросили, первый увлёкся каким-то парнем, а другой нашёл кого-то помоложе, вот Рита и вышла в тираж. Она увеличила себе грудь и губы, начёсывала когда-то густые волосы, от которых теперь мало что осталось. Словом, держалась мёртвой хваткой за уходящие молодость и красоту. Потому что прекрасно понимала – это всё, что у неё есть. Вот и работала на местном канале, улыбаясь во все тридцать два отбеленных зуба. И держали её там, как я отлично знаю от оператора Плеймна, только за внешность и опыт. Риту в городе никто не любил за злой язык и брезгливость, с которой она снисходила до общения с простыми смертными.

Я помню, как в городе появился Мариан. Год назад я встретила их с Ритой у речного вокзала, и удивилась. Потому что не узнала Риту, она помолодела лет на пятнадцать. Она смеялась. Это был первый раз, когда я слышала её смех за двадцать лет.

К Мариану в городе отнеслись неоднозначно. Всё-таки городок провинциальный, одни фермеры в округе, а Мариан сразу поселился у Риты. Ходили слухи, что в баре красавчику пытались начистить морду несколько наймитов, таких крепких ребят для работы в поле. Драки так и не состоялось. Смазливый хлыщ поговорил по душам с работягами, и те мирно пошли допивать своё пойло, по недоразумению гордо именуемое пивом. Местные дамы, ищущие крепкого мужского плеча или хотя бы тепла в холодной постели неоднократно подкатывали к Мариану. Кто ловил у забора. Кто бросался под ноги. Кто угощал пирогами с приворотным зельем. Одна вдова стерегла голышом на крыльце. Самые смелые напирали при всём честном народе. Одних писем от старшеклассниц, говорят, хватило, чтобы топить котёл всю зиму. Робу ко всеобщему удивлению и досаде женского населения все покушения на честь с достоинством пережил. И даже заслужил уважение от мужской части. «Ну и что, что как баба рожу продаёт. Зато под баб не прогнулся», – любили повторять в местном баре у Гэнэди. На том сердце и успокоилось. А три дня назад Мариан набрал номер полицейского участка и сказал, что нашёл дома мёртвую Риту.

Потягивая кофе, я всё думала о том, как Мариан узнал про моё больное колено. С желанием помочь-то как раз всё ясно: это явная попытка расположить к себе, не больше. Он знал и как-то снял боль. Нейроманипуляции? Гипноз? Ну не экстрасенс же он, в конце концов?

И почему его красота так странно влияет? Ну что я, мужиков красивых не видела? Видела. Только красота Робу не просто завораживает. Она – чистое произведение искусства. От неё сердце останавливается. А если…

Я бросилась к мобильнику и набрала патологоанатома. Вряд ли он ещё на работе, но…

Леви не отвечал. В морге он появлялся не раньше десяти, а сейчас, скорее всего, бреется. Или уже за рулём на пути в царство смерти и самых главных улик.

Зато вдруг позвонил Сабир. Я прижала мобильник к уху.

– Привет. Ты уже там? Я щас подъеду. Только нам пасту захвачу. С пармезаном.

– Слушай, Кась, такое дело, – голос Сабира был низким и растерянным. – Такое дело… Выпустить его пришлось.

– Куда? – и даже не стоит спрашивать, кого выпустить. – Ты сдурел? Экспертизы же не было! И…

– Отец за ним приехал. Устроил тут скандал. Пока вина не доказана, не имеем права. Сама знаешь.

– Да как он… Куда… – возмущение сожрало все слова. А потом меня осенило: – Кто он?

– Папандреу.

– Твою-то мать.

– Да.

Местный олигарх, чтоб его. Чёртов грек. Винный король. Владелец сети ресторанов «Piata Romania». А туда только туристы и ходят. Мало кому из наших такие места по карману. Помнится, бывший муж меня туда водил как-то раз в одну годовщину.

Я схватилась за последнюю ниточку:
– Фамилии разные, смекаешь? Робу. Папандреу.
– Приёмный сын. Он мне паспортом в морду тыкал. И фотографией.
– Как-то это всё странно, не находишь? А Игнат что? Звонил ему?
– Да. Сказал отпустить. И не ерепениться. Мол, у Папандреу вся Добруджа в кармане.
– Ясно. Заеду сегодня к нему. Но сначала к Леви. Всё. Отбой!

Глава 2. Чёрт и его национальность

Леви был венгром и старым пердуном. Притом, что старше меня всего лишь на три года. Он вечно ворчал, ныл и скрежетал. Он даже обзавёлся преждевременной лысиной и круглыми старомодными очками. А ещё к нему бесполезно соваться, пока он не выпьет чашку горького премерзкого цикория. И теперь я вышагивала от нетерпения по узкому коридору со скучными зелёными стенами, дожидаясь, пока патологоанатом опустошит в кабинете свою чашку. Под ногами мелькали пятнисто-мраморные плиты, отполированные тысячами подошв, тусклый свет казённых ламп оставлял на них круглые жёлтые лужицы.

А я пыталась сосредоточиться на том, что может таиться в заключении Леви. Потому что тошнотворный запашок из секционного зала с трупами всё-таки проникал в коридор, казалось, стены пропитались им навсегда – столько тел здесь провезли на каталке. Он смешивался с запахами формалина, хлорки и антисептика, но всё же был. Леви на мои жалобы только презрительно фыркал: «Кажется – креститься надо!» По мне так старый пердун просто принюхался к мёртвым и не чуял разницы между ними и живыми.

Эту сторону работы я не слишком-то люблю. Поскольку работать интереснее больше с живыми, чем с мёртвыми, пусть и бояться как раз стоит только живых. А вот Леви любит молчаливые трупы, которые «могут рассказать гораздо больше твоих болтливых идиотов». Для меня же труп – то, что уже не вернуть. Посмертная записка. А хуже всего убитые. Особенно дети. До сих пор помню труп цыганёнка Дэчила – весь в синяках, со сломанными рёбрами… отец постарался. Всё. Хватит псевдоностальгии!

Итак, труп Риты забрал Леви. Описал Сабир. И описал именно как убийство, хотя ножа из груди жертвы не торчало. Его насторожила эта посмертная маска и крест. Если бы это был несчастный случай, Игнат вряд ли попросил меня расследовать это дело. И действительно странно: с чего вдруг здоровая тётка вдруг отбрасывает коньки? Можно, конечно, списать на сердечную недостаточность, а потом обнаружить дыру в черепе, спрятанную среди густых волос.

***

Поэтому когда Леви приоткрыл дверь и неохотно буркнул: «Заходи», я ринулась внутрь и смела по пути крутящееся кресло.

Леви мой энтузиазм, конечно, ещё больше рассердил, учитывая то, что он раньше полудня вообще похож на злобного лешака в очках. Он принялся бормотать проклятия, адресованные мне, отыскивая среди документов нужный отчёт.

– Вы, полицаи чёртовы, меня, старого человека, отвлекли от субботнего матча. «Быстрее, Леви! У нас труп! У нас убийство!» А всё ради чего? Ради глупой бабы, которая померла от последней стадии рака!

Я застыла.

– От какого ещё рака? Леви, ты сердце смотрел? Сосуды? Это кровоизлияиние? Или по башке ей чем-то дали?

– Вот! Вот, глупая женщина! – Леви сердито потряс передо мной бланком анализов и заключением. – Сомневаешься в моём профессионализме? Да я тут тридцать лет как сыч! Что я, «раковую» не узнаю, что ли?!

Я схватила документы.

«Опухоль лёгких… Кт-признаки с-г верхней доли левого легкого, мтс в легкие. ЭЭД-3… жидкость, плевры… метастазы… четвёртая стадия…»

– Леви, ты меня за дуру держишь? Веди! Показывай труп!

В трупной секции холод обжёг кожу, но мне было не до этого. Леви неторопливо прошёлся вдоль каталок, три из которых оказались заняты, и остановился у последней. Он картинно откинул простыню, и я охнула от удивления и отвращения одновременно. На металлической постели покоилась высохшая мумия, которая ещё три дня назад была самой красивой женщиной в городе: тело, обтянутое коричневой кожей, сшитая после вскрытия грудная клетка, редкие волосы, жутко скособоченная будто в крике челюсть. На всякий случай я обошла каталку, натянула перчатки и приподняла затылок. Травм не было. Переломов тоже. Под ногтями ни кожи, ни волос убийцы.

– Леви… – я охрипла от такого зрелища. – Ты же её забирал не такой. Разве может труп так измениться за сутки?

И наш циничный Леви, который насмотрелся за свою патологоанатомическую карьеру всякого, Леви, невозмутимость которого была притчей во языцех, вдруг повернулся ко мне с дикими глазами. Придвинулся и шепнул на ухо так тихо, будто боялся, что покойники подслушают:

– Я ночью на закрытый форум в сети фотки этого тела выкладывал. А там лучшие патологоанатомы со всего света. Все наши в одном сошлись: трупу уже не меньше месяца! Тут дело нечисто, Каська. Это всё лидерц.

Я зажмурилась. Лидерц – это ведь чёрт у венгров. Бес. Демон. А ещё детские сказочки, которыми пугают детишек, которые канючат, что не хотят спать.

– Так…

И тут зазвонил телефон. Тревожно так, что у меня аж сердце в груди подпрыгнуло. Я сдёрнула перчатку и взяла трубку.

– Кассандра Деменитру, слушаю.

– Каська, ты-то мне и нужна. Хочешь загадку? – теперь в голосе Сабира нехорошее веселье, и это нехило так напугало.

– Ну это смотря какая загадка…

– Помнишь старого Петру? Он на днях на чёрта жаловался, мол, в окна заглядывает.

– Ну!

– Так сегодня под окнами его спальни все грядки истоптаны. Конскими копытами. А на стене вдавленные следы. Следы копыт.

Я схватилась за голову: она пошла кругом.

– А почему… – ой, какое же нехорошее предчувствие! Ой-ой… – Почему ты сюда-то звонишь?

– Мёртв Петру. А теперь дай-ка мне Леви.

Я молча передала ему трубку и вышла. Нужно уехать из этого дурдома и отвезти заключение в участок, чтобы подшить к делу.

***

Я сидела в участке над делом Риты и меланхолично жевала брынзу с лепёшкой. Чёрно-белый принтер методично выплёвывал фото с места преступления, которые Сабир отправил мне на почту. После вкусного чорби мыслей стало больше, и они продолжали плодиться со страшной скоростью. Вообще вести расследование на сытый желудок гораздо сподручнее.

Рак – это плохо. Рак – это не преступление. Обвинение в болезни никому не вменишь. Только Рита умерла не просто так, это и идиоту ясно. А Робу ушёл чистым и незапятнанным. А может, он любовницу чем-то облучил?

Что-то не то с этим Марианом. И с Папандреу тоже. Вот дочь Папандреу знают все: а как не знать её красный порше и лошадиный смех на заправках. А вот про сына я и не слышала. Понятно, что я-то больше по Бухаресту мотаюсь, два года в Тулче провела по делу Родику,

а здесь, в Чернаводэ, набегами. Но всё же не слышать про сына местного олигарха из новостных сводок, соцсетей, слухов… странновато. Подозрительно. Оно стоит того, чтобы разведать прежде, чем закрыть дело.

Подленький внутренний голос тут же заскабрезничал: «а что это ты одного Мариана убийцей-то считаешь? Весь город Риту не любил, а ты на паренька ополчилась. Небось, мужика давно не было, а тут добралась до молодого тела, а, Каська?»

– Пошёл вон, придурок, – гордо ответила я вслух. – Этот Мариан даже не расстроился, когда Рита умерла. Значит, был злой умысел. Знать бы ещё, какой. Но Плеймну я позвоню.

План в голове вырисовался чёткий. Я набрала Леви.

– Это Кася. Бери вакуумный полиэтилен, пакуй Ритин труп. И шли его в областную лабораторию на дополнительное исследование. Направление с печатью я тебе сейчас вышлю.

– Одурела ты, что ли? – удивился Леви. – Засмеют ведь областные. И так бюджет урезают, а ты тут…

– Принимай по факсу направление. Я там укажу угрозу неизвестной инфекции, которая портит трупы за трое суток как за месяц. Если будут вопросы, как всегда нажалуешься, что у Деменитры климакс обострился.

Он хрюкнул в трубку и для вежливости обиделся:

– Вообще-то я к тебе всегда с уважением…

– Отбой, Леви. По коням!

Я принялась складывать распечатанные фото в папку с делом старого Петру Михая. Сабир обстоятельно сфотографировал место преступления, на снимках чётко виднелись отпечатки копыт. Причём крупные, не козьи. Козы в Чернаводэ у семьи Чореску, коровы – у Драгу. Следы хорошие, чётко отпечатались. И начинаются они у окна, там же и заканчиваются. Будто коровы Драгу телепортируются или летать умеют. А Сабир вообще стучал себя пяткой в грудь, будто следы лошадиные. Он на ферме с лошадьми вырос, лошадиное копыто с другим не спутает. Вот только в Чернаводэ ни одной лошадки вот уже лет тридцать не водится – незачем.

Фото мёртвого Петру мало чем отличалось от фото Риты: Сабир перевернул старика на спину и стало видно, как его перекосило от неведомого ужаса, аж глаза закатились.

Кого ж ты увидел, Петру Михай?

«Тут дело нечисто, Каська. Это всё лидерц».

Вдруг меня будто что-то подтолкнуло. Я махом вытащила из рюкзака ноут и подключилась к местному вай-фаю.

Вторая же ссылка по поиску «лидерц» заставила зависнуть и перечитать на второй раз статью.

Третья разновидность лидерца – дьявольский любовник, ördögszerető, крайне похожий на суккубов и инкубов. Эта разновидность лидерца прилетает по ночам в образе огонька-обманки, огненной птицы или просто огонька. В северных регионах Венгрии его знают под именем ludvérc, lucfir. А в Трансильвании и Молдавии – lidérc, lüdérc, иногда ördög, что буквально означает Дьявол. В полёте лидерц разбрасывает искры. Очутившись на земле, он принимает облик человека – как правило, мёртвого родственника или любовника, возлюбленного. Его следы напоминают следы лошади. Он проникает в дома через печную трубу и замочные скважины, принося с собой болезнь и беды. Ладан или дым от берёзовых поленьев не позволяют этому существу пробраться в дом. В восточных регионах Венгрии есть поверье, что лидерца невозможно перегнать. Он носится по кладбищам и исчезает на рассвете с первым криком петуха.

– Какая прелесть. Копыта и болезни.

Вообще-то у нас, в Румынии, дьявола называют скараоцке. А кое-где – микидуц. Но вот в Венгрии, откуда родом наш Леви – он лидерик, лидерц. Причём лидерца в Румынии называют

збурэтором – за умение летать. И почему-то крысником. А там, где я родилась – просто чёрт, но вот бабушка называла чёрта полазником.

Глава 3. Алиби

К вечеру я сумела достать номер Тоби Хереску через редакторский отдел «Хайнс». Оказывается, он живёт в Силистре, а это в Южной Добрудже, что в Болгарии. Но сегодня у фотографа есть дела в нашем Чернаводэ, в Северной Добрудже, в жудеце Констанция. Возможность побывать на месте и заодно убедиться в алиби господина Робу нельзя было упускать, и я назначила Тоби безотлагательную встречу. Правда, можно было вызвать его в отделение повесткой, но время – деньги, а у нас уже два трупа с крестами нарисовалось. Ещё узнала, что свой павильон для съёмок Хереску устроил в заброшенном ангаре, за водонапорной башней. Он с другого конца города явно добирался туда явно на мотоцикле, а я вот прокляла узкую грунтовку, всю в ямах после недавних дождей, только она вела вдоль двух холмов прямо к месту назначения. Фары заляпало грязью, и машина то и дело попадала в выбоины, которых я предугадать не могла.

Уже стемнело, когда я оставила машину у въезда и подошла к ангару, у боковой двери которого маячил жёлтый фонарь. Внутри было так светло от прожекторов, что я на секунду ослепла. А когда глаза более-менее привыкли, различила высоченный потолок с железными перекрытиями и несколько искусственно созданных «комнат» из белой и чёрной ткани, укреплённых металлическими планками. Перед полотнами на штативах темнели импульсные осветители, чёрные зонты. Какие-то штуковины, напоминающие спутниковые тарелки – похоже, они действовали как рефлекторы.

Рядом с одним из них как раз и сидел на высоком барном стуле человечек в синей кепке козырьком назад. Тощую спину его обтягивала чёрная футболка, нога в линялых джинсах и кроссовке отстукивала какой-то ритм по полу. Теперь ясно было, почему фотограф не слышал, как я вошла: от его ушей тянулись тонкие провода к ноутбуку, который Тоби держал на коленях.

Когда я дружелюбно похлопала его по спине, он шарахнулся от неожиданности и чуть не выронил ноутбук. Потом догадался вытащить из ушей наушники и подслеповато прищурился. Я подумала, что он, похоже, страдает близорукостью. Но очки не носит. Да и линзы тоже.

– Тоби Хереску?

– Да… я. А вы кто?

– Кассандра Деменитру, полиция. Я вам сегодня звонила. Где у вас тут можно…?

Тоби насупился и выдвинул неудобный стул, на котором прямо не сядешь, только вразвалку. А это при допросе вообще ни к чему. Но ничего, спина и прямую осанку потерпит, и не такое видали. Я достала диктофон.

– Шестое октября две тысячи шестнадцатого года. Допрос фотографа Тоби Хереску проводит Кассандра Деменитру. Итак, Тоби, где вы были в ночь с третьего на четвёртое октября?

– Хмф, – он нервно облизнул губы, с неприязнью глядя на меня, и этим сильно напомнил одного клерка, который оказался впоследствии педофилом. – Коров доил…

– Любопытно. А ваша модель, Мариан Робу, утверждает, чтобы был здесь с вами.

– А что это вы под Марьяна-то копаете? Думаете, поди, он эту старуху Риту укокошил?

Новости, конечно, у нас разносятся быстро. Но тут явно есть своя крыса на местном телеканале, которая сплетнями торгует. Не мог Хереску так быстро про обвинение в убийстве узнать. Надо позвонить Плеймну, ой, надо!

– Я настоятельно рекомендую сменить тон при допросе. Поскольку, во-первых, эта запись попадёт в официальное дело, и от её толкования зависит ход расследования. А во-вторых, ваши слова могут помочь господину Робу попасть в места не столь отдалённые.

Тут Тоби сразу сбавил спесь и сгорбился.

– Ну да. Был. Был тут Марьян. Мы тут снимали сессию для «Хайнса».

– Документально подтвердить можете? Даты на кадрах? Видео?

Хереску нервно облизнулся, и стало заметно, что у него рассечена губа со шрамом посередине.

– Да… Вот у меня на ноуте остались кадры. И запись есть. Должна быть.

Он засуетился, тыкая по тачпаду ноутбука. А я гадала, откуда такая неприязнь ко мне. Врёт, что ли? Зачем?

– Господин Хереску, можете назвать точное время вашей работы с Марианом Робу?

Он обернулся и закатил глаза, прикидывая что-то в уме.

– Ну… мы долго тут корячились. Он в одиннадцать пришёл. А закончили-то только в полвторого. Может, даже позже. Вот, нашёл…

Я склонилась над ноутбуком. И ангар с Хереску перестал существовать. Потому что там, на экране, под прицелом объектива позировал Мариан. Нет, не так: подозреваемый. Он двигался по площадке то плавно, то резко. Приспускал пальцем воротник белоснежной рубашки, обнажая гладко выбритую шею. Ерошил тёмные волосы холёными пальцами. Но самое главное: он смотрел прямо на меня. Видел меня всю с заусеницей на безымянном пальце и давно не стрижеными волосами. То есть, нет, смотрел в видоискатель камеры, конечно, но улыбался точно мне. Одаривал таким потрясающе-хищным взглядом, что где-то внутри во мне проснулась восемнадцатилетняя девчонка и принялась восхищённо пищать. Да так, что я не сразу вспомнила, зачем вообще сюда припёрлась. Когда Хереску зашумел своей аппаратурой, я очнулась и принялась перематывать запись по времени.

3.10.2016… 23:38:11… 23:52:02… 4.10.2016… 00:05:16… 00:30:42… 01:02:54…

Наконец запись закончилась, и в папке остались только фотографии. У Робу документально подтверждённое алиби. Всё. Он вне подозрений. Я задумчиво достала из рюкзака флешку и вставила в ноутбук.

– Чего это вы делаете? Это редакционные материалы! – тут же возмутился Хереску. – Мы так не договаривались!

– Мы не на рынке, Хереску, – ровно ответила я. – Все фото и видео материалы приобщаются к делу.

Когда я была уже у двери, он окликнул меня.

– Я знаю, зачем вы фотки и видео забрали, – глумливо ухмыльнулся Тоби. – Только зря стараетесь. Марьяну старухи пофигу. Вон, одна уже отчалила.

Ага, теперь ясно. У Хереску свои виды на этого Мариана. И он, как и многие представители сексуального меньшинства, агрессивно кидается на всех, кто к этому меньшинству не принадлежит.

Я не стала ему ничего отвечать. Только улыбнулась, чтобы не разубеждать в его страхах, улыбнулась как могла многообещающе и хищно, чтобы он правильно меня понял. И он понял, судя по осунувшейся физиономии.

***

Проснулась я ночью от холода. Ощущение было такое, будто забыла закрыть входную дверь. Я нащупала ночник и щёлкнула по клавише. Спальня из чёрной стала контрастной, резко очерченной, жёлтой, с угольными тенями. По полу плыл густой туман. Настенные часы с подсветкой показывали полтретьего ночи.

И тут по крыше что-то простучало. Да так, что сердце ушло в пятки. Потому что звук был такой, будто кто-то проскакал. Звонкий такой звук, словно бы олень по тонкому ондулину, как по крепкому льду, промчался. Или кто-то другой… с копытами.

Я натянула носки и привычным движением отвела боёк на табельном. Красть у меня кроме ноутбука по факту нечего, а уж если кто посягнёт на жизнь, то крупно пожалеет. Сжимая холодную рукоять пистолета, я медленно спустилась по лестнице.

Скрип. Скрип. Скрип.

Звуки раздавались в ночной тиши так громко, будто мой дом отрезало от всего остального мира. Будто другой мир нагрянул ко мне непрошенным гостем. И слышался только бешеный пульс крови в висках.

Входная дверь действительно была нараспашку, хотя я чётко помнила, как закрывала замок и вешала ключи в ключницу на стене. Лунный свет лился с улицы, окатывая прихожую синим. По полу и старому вытершемуся коврику ползли клубы седого тумана, прямо как в дешёвом фильме ужасов. В полной тишине я прокралась к порогу и окинула взглядом придорожные кусты. И тут же от неожиданности издала вопль ужаса: на самом крыльце весь облитый лунным светом стоял Мариан Робу, мы практически столкнулись нос к носу. Он прижал указательный палец к губам:

– Тш-ш-ш.

От него глаз было не оторвать, так он был прекрасен. Бездонная серая зыбь в глазах под тенью надбровных дуг, тонкая линия губ, перечёркнутая пальцем. Чёрная щетина, штрихи острого воротничка рубашки, блики на чёрной кожанке. Я превратилась в одно большое пульсирующее сердце. Казалось, я постигла смысл своей жизни: он как раз в том, чтобы существовать ради этого совершенства. В ту минуту я поняла, что Творец явно женского пола, коли такие чудеса безупречности есть на свете. Я с трудом осознала, что опустила оружие, неотрывно глядя, как он отнимает палец от губ. Не чувствовалось больше ни холода, ни боязни, только одно непреходящее восхищение. От восторга стало больно дышать. Терпкий запах осенних яблок окутал меня с головой, когда ночной гость мягко улыбнулся. Хотелось вдыхать его ещё и ещё – до умопомрачения.

Но чем дальше шло время, тем тягостнее становилось ожидание – оно натягивало мышцы, как струны, обращало ночной воздух в клейкую массу. Мариан стоял на крыльце, смотрел на меня и явно ждал чего-то.

– Когда же ты меня впустишь?

Этот вопрос и вернул в сознание. И контроль над телом. Я отшатнулась и, запнувшись за порог, рухнула в прихожую, больно ударившись копчиком.

И проснулась. Сев на кровати, я поморщилась: всё ещё было больно. Ноги всё ещё в носках, к которым прилип жёлтый липовый листик.

Так, значит, это не сон?

Глава 4. Новые улики в деле

Я подскочила, спросонья запуталась в одеяле, брякнулась на пол, ударившись многострадальным копчиком. Натянув свитер и джинсы, я сунула в карман мобильник и понеслась вниз по лестнице. В гостиной в верхнем ящике секретера нашла хорошую лупу и выскочила на крыльцо.

Уже рассвело. Низкие синебрюхие тучи лениво ползли по небу. Ни ветра, ни тумана. Утренняя тишь покрывала узкую улочку. Только редкие машины брякали подвеской по асфальту.

Так. Дверная коробка. Порог. Сама дверь. Ручка. Замок. Петли… Ничего. Вообще ничего. Ни царапин от отмычек. Ни сколов от лома. Ни жирных пятен от подушечек пальцев. Только старые потёртости от моего же ключа – их я знаю наизусть и на ощупь, сколько раз затемно возвращалась и ключ к скважине прижимала.

Тогда крыльцо!

Следы грязи? Хоть какие-нибудь! Подошв? Копыт?

Пусто. Ни одной маломальской зацепки. Пустые плиты, пустые ступеньки. Только липовых листьев ещё больше нападало. Я облазила придорожные кусты из сна, разглядывая малейшие вмятины в грунте, сломанные ветки. Жухлую бледно-жёлтую траву, камни, обрывки бумажек, которые высыпались из мусорного бака. Убив на это дело минут двадцать, я поняла, что либо следы замели, либо сон – это сон и ничего более.

Поднявшись и ухватившись за копчик, который заныл, я вдруг осознала, что кто-то на меня пристально смотрит по другую сторону дороги. Обернувшись, я увидела, как моя соседка, старая Памела Хойда, ставит на своём крыльце большой крест из деревянных реек. Старуха оглянулась на меня и молча вернулась в дом. И тут меня осенило. Я вспомнила, где раньше видела этот крест. На фотографии покойной Риты: точно такой же она сжимала в руках перед смертью. Вот кого надо было допросить в первую очередь!

Я бросилась за диктофоном, на ходу соображая, какое блюдо поможет разговорить старуху. И тут зазвонил мобильник, я даже дверь не успела закрыть.

– Привет, Кася! У меня тут минутка перед рентгеном. Скажи хоть, как оно у вас там?

– Игнат! Как хорошо, что ты позвонил! – стало стыдно, что я так замоталась и не звонила. – Ты прости, тут так всё завертелось. Я так к тебе и не заехала!

И рассказала про труп Риты, который испортился за сутки, про железное алиби Робу. Про старого Петру и отпечатки копыт.

– Что-то невовремя я ногу сломал, – недовольно протянул Игнат. – Давай-ка я в областную управу позвоню. Пусть к вам оттуда подмогу отправят. А то ты со своим польским порохом устроишь там фейерверк.

– Ты же знаешь, всё будет, как всегда. Меня тихо отодвинут: неча бабе в ногах у мужиков путаться… Лучше скажи, зачем ты сказал Робу отпустить, когда за ним Папандреу пришёл? Кто хозяин в городе, полиция или этот денежный мешок?

В трубке послышался тяжёлый вздох.

– Не лезь к Папандреу, Кася. И сына его ты бы тоже в покое оставила. Это я тебе как старый друг говорю. Закрывай-ка дело.

– Сколько он тебе платит, Игнат? – злость скрутила так, что я забыла, что он сейчас со сломанной ногой сидит в кресле на колёсиках, что он когда-то меня спас. – Когда он тебя купил? Пока я в Тулче с делом Родику моталась?

– Дура ты, Каська, – мрачно бросил Игнат. – Зря я на тебя приказ выписал.

– Я-то, может, и дура, только я в отличие от тебя прекрасно понимаю, что у нас тут банда из двух или нескольких сообщников действует. И даже если это не Робу, я выясню, кто за этим стоит! Ла реведере!

Я отключилась и закрыла наконец дверь. Бросив мобильник на стол так, что он чуть не разлетелся, сыпнула наугад в турку кофе, сахар. Плеснула воды и включила плиту. Телефон молчал. Я провела по тачпаду: не вырубился ли от удара? Экран исправно показывал «7:46» и «+15» с переменной облачностью. Игнат не перезванивал.

Я была зла на весь мир, пока умывалась и чистила зубы. Во-первых, за то, что в нём есть такие, как Папандреу. На Игната – за то, что он взялся за тёмные делишки у меня за спиной, а меня саму оставил в дураках. Зла на себя – за то, что даже не попыталась выстрелить во сне в Робу. Или хотя бы подглядеть: есть там у него копыта или нет. За то, что всё ещё не осмотрела дом Риты и опись возможно пропавших вещей, чтобы исключить версию убийства из-за кражи.

Опись… осмотр места преступления – вот что в первую очередь надо было делать, а не следы Мариана на крыльце выискивать!

Злобно поглядывая на телефон, будто он повинен во всех грехах, я сделала бутерброды и налила кофе в чашку. Мобильник молчал. Игнат так и не перезвонил. Должно быть, его уже увезли на рентген. А может, ему стало просто плевать на дуру, которую он ещё полгода назад считал сестрой по оружию и когда-то спас от пули Петраке. И когда-то не спас от кое-чего похуже... Мой «польский порох» некрасиво заискрил от обиды. Вообще-то надо было перезвонить Игнату, повиниться и расспросить по-человечески, но я не стала. Не в этот раз, братец.

Привела себя в божеский вид, побросала в рюкзак всё необходимое да и поехала в участок.

***

Изучение дела Риты и Петру ничего не дало: по описи из дома ничего не пропало, что у одной, что у другого, поэтому пришлось ехать на место преступления. Деньги, документы, золото на месте. Никто не позарился, как ни странно. Нетипичное преступление, как ни крути. В академии нас учили «думай, как преступник, стань им!», и по всему выходило, что раз цель убийства – не кража, значит – месть. А мстить Рите мог кто угодно, даже какая-нибудь соперница от ревности к Мариану. Другое дело – старик Петру. Он – вообще божий одуванчик, сроду зла никому не делал, фигурки смешные из морских ракушек делал. Что вообще может связывать настолько непохожих друг на друга людей? Вот как раз моя задача в том, чтобы это выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.